

Таким образом, концепт 'металл' реализуется в русских пословицах большей частью в рамках антропоцентрического и вещественного принципов членения мира, т. е. представляя неразрывную связь человека с металлами, в частности, в форме денег, а также представляя определенные семантические категории.

1. *Даль В.* Пословицы русского народа. М., 1957.
2. *Даль В.* Словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1994. Т. 1, 2.
3. *Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова.* М., 1986.
4. *Топоров В.Н.* // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 146-147.

5. *Попова Н.С.* Мифопоэтический концепт как вид когнитивной метафоры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. С. 4.
6. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1987. С. 737.
7. *Бабкин А.М.* Русская фразеология, ее развитие и источники. М., 1970. С. 104.
8. *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990. С. 5-6.
9. *Токарев Г.В.* Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентации концепта «Труд» в русском языке). Волгоград, 2003. С. 97-133.
10. *Красных В.В.* // Язык, сознание, коммуникация. М., 2000. В. 15. С. 5.

Поступила в редакцию 29.04.2006 г.

МОРФОЛОГИЯ КАК СПОСОБ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАНИЯ

Н.А. Беседина

Besedina N.A. Morphology as a way of conceptualizing the linguistic knowledge. The paper analyses the role of morphology in the process of conceptualization of linguistic knowledge.

Результаты исследований в области когнитивной лингвистики и смежных наук позволяют говорить о том, что язык не только отражает результаты процесса концептуализации, он также играет существенную роль в процессе формирования, организации и структуризации знаний о мире, т. е. непосредственно в самом процессе концептуализации и создании концептуальной системы (см., например, [1–5] и др.). Это приводит к тому, что концептуальная система включает в себя все многообразие концептов, которыми человек оперирует как в процессе обработки поступающей к нему информации, так и в процессе речемыслительной деятельности. Соответственно, в нее входят наряду с концептами естественных объектов и собственно языковые концепты. Это позволяет утверждать, что язык участвует в концептуализации различающихся по предметной отнесенности типов знания, т. е. знания о мире (энциклопедического) и языкового знания.

Как известно, языковое знание было выделено в особый тип еще Б. де Куртенэ. Он, в

частности, писал: «Мы вправе принять третье знание, знание языковое рядом с двумя другими – со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным и знанием научным, теоретическим» [6]. Уточним, как соотносятся между собой знание о мире и языковое знание, поскольку этот вопрос пока не имеет однозначной интерпретации. Обозначенная проблема в последнее время активно обсуждается представителями разных наук, придерживающихся различных позиций и теоретических установок (подр. см., например, [5, с. 223 и сл.]).

В американской версии когнитивной лингвистики эти два типа знаний практически не разграничиваются. Так, например, Р. Ленекер указывает на иллюзорность разницы между лингвистическим и экстралингвистическим знанием. По его мнению, это происходит из того, что ни язык в целом, ни семантика в отдельности не являются автономной системой или отдельным модулем, который может быть охарактеризован отдельно от других аспектов когниции [7].

Отечественные лингвисты, работающие в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, отмечая неоднозначность проблемы разграничения языкового и энциклопедического знаний, исходят из признания их сложного взаимодействия. Такое понимание основывается на том, что языковые единицы не могут функционировать автономно от других аспектов деятельности человеческого разума, т. к. язык и мышление рассматриваются как производные предметно-практической познавательной деятельности человека. Комментируя проблему соотношения различных типов знания Е.С. Кубрякова подчеркивает тот факт, что знание о мире – это знание о разных объектах («объектное знание») одним из которых является язык [3, с. 10]. В качестве такового он одновременно отражает знания о мире, знания о самом языке и знания о том, как язык отражает все эти знания. Поэтому знание о языке входит составной частью в знание о мире [там же]. В свою очередь, «знания о мире опосредованы знаниями о языке, «пропущены» через языковые формы, структуры хранения того или иного типа знания проявляют значительные черты сходства и т. д.» [8]. Аналогичной точки зрения придерживался С. Д. Кацнельсон, определявший языковые знания как знания о мире, обусловленные языком [9]. На обусловленность знаний о мире языковыми знаниями обращает внимание также Р.М. Фрумкина, отмечая, что «фундаментальной частью наших знаний о мире являются представления об отношениях между концептами – об их сходствах и различиях, об их «горизонтальных» и «вертикальных» связях, об отношениях «класс-член класса», «часть-целое» и т. п. Эти представления в норме фиксируются через язык. Язык их фиксирует и транслирует, отражая динамику нашего познания» [10].

По мнению А.А. Залевской, языковые знания существуют только в контексте многообразного опыта индивида, формируемого через личностное преломление-переживание, но под контролем сложившихся в социуме норм и оценок [5, с. 196]. Поэтому «языковые знания оказываются «пустыми» без знаний о мире» [11]. Подтверждением тому служат, как считает автор, случаи «замкнутого круга» в словарных дефинициях. Стало быть, заключает А.А. Залевская, эти виды

знания функционируют по принципу взаимодополнительности [11, с. 166-167].

Тесная взаимосвязь двух типов знания не означает, однако, их отождествления и предполагает одновременно их дифференциацию, что с необходимостью требует выявления специфических черт каждого из видов знания. Обратимся, прежде всего, к особенностям языкового знания.

Как известно, специфическое видение мира, присущее тому или иному языковому коллективу, отражается в способе организации лексики и наборе грамматических категорий того или иного языка. Например, наличие в языковой системе категорий единственного и множественного числа или же единственного, множественного и двойственного числа, а также существование настоящего, прошедшего, будущего или же прошедшего и настоящего-будущего свидетельствует о различиях в членении количественного и временного континуума. Более того, инвентарь самих грамматических и, прежде всего, морфологических категорий может заметно варьироваться от языка к языку. Так, например, в морфологии русского и немецкого языков имеется категория рода, в то время как в английском языке она была утрачена в ходе исторического развития.

Как считает В.Б. Касевич, языковое знание – «суть не что иное, как компонент наивной картины мира данного этноса, закодированный в самой системе языка, т. е. в его словаре и грамматике» [12]. Как следствие, языковое знание в общем виде – это знание об устройстве системы языка, о закономерностях его развития и современного состояния, о его единицах, категориях и функциях [3]. Оно включает значения слов, их лексико-семантические и лексико-синтаксические характеристики, значение морфологических форм и знание схем связывания слов в конструкцию [13]. Иными словами, это знание языковых значений форм и категорий [4, с. 56]. Оно ограничено рамками системы того или иного языка, которая в каждый конкретный момент представляет собой относительно стабильную систему. Вследствие этого, языковое знание оказывается более стабильным и представляет собой в большей степени закрытую систему.

Сложность взаимоотношения между различными типами знания, их взаимодей-

полнительность объясняются еще и тем, что язык, как уже отмечалось выше, непосредственно участвует в концептуализации различных типов знания. В этом процессе задействованы все уровни языка. Языковые средства различных уровней, будучи средствами репрезентации той или иной части концептуального содержания, демонстрируют одновременно и то, каким способом и в каких формах осмысливается мир человеком, а также то, какие характеристики окружающего мира фиксируются в тех или иных формах. Тем самым, языковые средства различных уровней репрезентации раскрывают способы концептуализации мира в языке. Уточним роль каждого из уровней в этом процессе.

Лексика непосредственно отражает картину мира и репрезентирует те ее элементы, которые практически познаны и усвоены определенным языковым коллективом, говорящим на том или ином языке. Она представляет осмысленный человеком мир в его единичных понятиях и, тем самым, концептуализирует знания о мире (энциклопедические знания). Познание картины мира с необходимостью предполагает познание не только отдельных ее составляющих (предметов, явлений и их свойств), но и связей и отношений между ними. Для этих целей служит синтаксис, который представляет, как составные элементы картины мира связаны между собой, концептуализируя, таким образом, взаимодействие знаний энциклопедических и языковых [3, 13, 14]. Концептуализации подвергается не только внеязыковая действительность, но и сам язык как один из объектов реального мира. Одним из способов концептуализации языковых знаний является морфология. Рассмотрению особенностей концептуализации в морфологии и посвящена настоящая статья.

Специфика концептуализации на уровне морфологии состоит в том, что она обеспечивает концептуальную сетку, каркас для концептуального материала, выраженного лексически, и в определенном смысле «обслуживает» лексику. Именно эта особенность в плане концептуализации и обуславливает взаимосвязь морфологии и лексики на уровне языка, о которой неоднократно упоминалось в лингвистике (например, в работах А.И. Смирницкого, Г.Н. Воронцовой, Н.А. Кобриной, Е.С. Кубряковой В.Н. Ярце-

вой и др.). Такая взаимосвязь предполагает, с одной стороны, уточнение и конкретизацию категориальных значений в синтаксисе, а с другой – наличие скрытой грамматики как переходной зоны между формально-грамматическими, собственно морфологическими категориями и лексическими / тематическими группами, а также необходимость языкового, в смысле ориентированного на репрезентацию в языке, концептуального содержания. Иначе говоря, морфология концептуализирует языковое знание в широком смысле, т. е. знание языковых значений, форм и категорий и знание о мире, как оно представлено языком.

Концептуализация в морфологии осуществляется на нескольких уровнях. Их выделение первоначально связано с разграничением сентенционального уровня и уровня лексико-грамматических разрядов слов (ср. также разграничение, проведенное Н.Н. Болдыревым [4, с. 74-77]). Оно обусловлено внутренне неоднородной сущностью лексико-грамматических классов слов и их морфологических категорий. Последние, будучи средством уточнения связи языкового знака с той или иной концептуальной категорией, передаваемой тем или иным лексико-грамматическим классом слов в синтагматической речевой деятельности, различаются своей ориентацией на уровень сентенциональный или на уровень лексико-грамматических разрядов слов. Это позволяет нам, вслед за Н.Н. Болдыревым, утверждать, что морфология фиксирует типичные связи между семантикой и синтаксисом и, более того, служит техникой языковой системы (см. [15-17]). Рассмотрим далее особенности выделенных уровней.

Сентенциональный уровень, в свою очередь, предполагает выделение двух подуровней: модусно-пропозиционального (уровня предикативности) и собственно пропозиционального (уровня сказуемости). Предикативность как свойство всего предложения в целом соотносит содержание предложения-высказывания с действительностью, а точнее, выражает актуализированную отнесенность к действительности. Ее выражение не ограничивается рамками формально-грамматического членения предложения и выходит за рамки собственно пропозиции. Сказуемость же связана с выражением субъектно-предикатных отношений, ориентирована на

отношения внутри пропозиции и выражается в рамках формально-грамматического членения предложения. Следующий уровень концептуализации в морфологии, как уже отмечалось, – это уровень собственно семантики лексико-грамматических разрядов слов. Этот уровень показывает, как репрезентирована и категориально организована в языке семантика, ориентированная на внешний мир.

В качестве языкового механизма концептуализации в морфологии выступают морфологические категории и формы, которые позволяют форматировать и конфигурировать наши знания о мире. Как следствие, морфологические категории могут быть расклассифицированы по их ориентации на выделенные уровни концептуализации в морфологии.

Иными словами, представляется возможным показать, что часть категорий связана с предикативностью. К ним относятся категории времени, лица и наклонения. Данные категории по своему значению соотносят сообщение с актом речи и связаны с отношением человека к миру событий с точки зрения их актуализации в языке. Выделенные категории, показывая средствами языка связь человека с этими событиями, позволяют представить сообщаемое в том или ином временном плане, а также в аспекте реальности / ирреальности. Они имеют в определенной степени «глобальный, всеохватывающий характер, регулярное формальное выражение, системно-парадигматический уровень реализации и формально-грамматический статус» [18]. Такой всеохватывающий характер предикативных категорий обусловлен «универсальностью задаваемых параметров и, следовательно, их независимостью по отношению к семантике самих глагольных лексем» [Там же]. В английском языке, например, сказанное в большей степени относится к категориям времени и наклонения, как характеризующим событие в его целостности. Любой глагол в предложении-высказывании, независимо от своей семантической принадлежности, употребляется в одной из временных форм (настоящего, прошедшего или будущего) и в одной из форм наклонения. Категория же лица, в силу специфики строя современного английского языка, имеет «ограниченный» морфологический статус, сохранив только форму 3-его лица ед. числа, выражающую, скорее, грамматическую, согла-

совательную функцию. Другие значения этой категории реализуются на уровне синтаксиса с помощью дополнительных средств, в частности, с помощью соответствующих местоимений в функции подлежащего.

Вторую область категорий составляют те из них, которые представляют уровень выражения пропозициональных отношений, т. е. сказуемость. Сюда включаются глагольные категории числа, залога, аспекта (вида), а также категории числа, рода и падежа существительного (в функции подлежащего), оформляющие субъектно-предикатные отношения. Они репрезентируют то, как связи между объектами реального мира отражаются в языке и, соответственно, ориентированы на языковые знания.

Данные категории (в первую очередь, аспекта и залога) характеризуются определенной избирательностью в плане семантики глагольных лексем. Выражение соответствующих грамматических значений (аспектуальных и залоговых), отражающих фазовую и субъектно-объектную характеристики событий, непосредственно связано с дифференциацией семантических классов глагольных лексем. Как известно, формы прогрессива и пассива в английском языке возможны только у акциональных глаголов. Например, *Mary is speaking English now* и *English is spoken all over the world*. Ср. *The house belongs to Mr. White*. Но: **The house is belonging to Mr. White*; **The house was belonged to Mr. White*.

Третья категориальная область представлена именными морфологическими категориями числа, падежа, степеней сравнения прилагательных и наречий, глагольной категорией аспекта, а также категорией определенности / неопределенности, непосредственно связанными с категориями скрытой грамматики, такими, как: конкретность / абстрактность, качественность / относительность, одушевленность / неодушевленность и т. д.

Из сказанного выше следует, что в основе морфологических категорий лежит концептуализация мира человеком средствами того или иного языка, предполагающая осмысление отношений человека с миром в целом и с миром языка в частности. Результатом такого осмысления является морфологически передаваемый концепт, представляющий собой выраженную морфологиче-

ской формой единицу знания о представлении мира в языке, т. е. единицу языкового знания, передающую способ языковой репрезентации знания энциклопедического. Данное определение раскрывает специфику основных характеристик и свойств морфологически передаваемых концептов. Рассмотрим их подробнее.

Морфологически передаваемые концепты – это, с одной стороны, определенные единицы категориальной части концептуального уровня (например, ВРЕМЯ, КОЛИЧЕСТВО, ОТНОШЕНИЕ), репрезентируемые с помощью морфологических категорий и форм, а с другой стороны, это концепты, лежащие в основе формирования собственно морфологических категорий и реализующиеся в виде конкретных грамматических смыслов (например, грамматическое время, число, аспект, наклонение и т. д.).

Данные концепты фиксируют то, как язык отражает мир. В качестве таковых они оказываются элементами, которые формируют концептуальное пространство морфологии и отражают наиболее существенные аспекты концептуальной картины мира, без которых невозможно мышление о мире и формирование картины мира. Соответственно их содержание характеризуется наибольшей абстрактностью, что подчеркивается практически во всех определениях морфологических категорий. Именно в силу этой своей специфики данные концепты опосредуют связь между сущностями отраженного мира и сущностями мира языка. В языке это проявляется в обобщенном характере соответствующих грамматических смыслов, передаваемых морфологическими формами. В более общем виде, это приводит к тому, что специфика грамматической системы каждого языка проявляется как раз в наборе морфологически передаваемых концептов, который не совпадает в разных языках в силу того, что в них, как уже отмечалось, представлены не все категории, относящиеся к морфологическим.

Описанная выше специфика морфологически передаваемых концептов приводит к тому, что их содержание оказывается более стабильным по сравнению, например, с лексически передаваемыми концептами. Как следствие, рассматриваемые концепты в наибольшей степени подвергаются стандар-

тизации на общенациональном уровне, исключая групповые, региональные и индивидуальные смыслы. Определенная стабильность содержания концептов рассматриваемого типа объясняется и тем, что в его основу ложатся основополагающие (принципиальные) категориальные смыслы, проникнуть в которые возможно только через содержание морфологических категорий и форм. Сразу же следует подчеркнуть относительный характер стабильности, поскольку не исключаются изменчивость и динамичность содержания морфологически передаваемых концептов, обеспечивающиеся условиями дискурса и некоторыми факторами исторического развития языка. Такая подвижность морфологически передаваемых концептов может приводить в некоторых случаях к неопределенности границ морфологических категорий.

Морфологически передаваемые концепты формируют концептуальное пространство морфологии, представляя категориальную часть концептуальной системы, репрезентируемую морфологически. Ориентированные на систему языка, морфологически передаваемые концепты являются классификационными, т. е. созданными нашим сознанием с помощью языка. Рассмотрим процесс формирования данных концептов подробнее.

Любой концепт, будучи единицей знания и элементом концептуальной системы, первоначально существует в нашем сознании как гештальт, в котором все характеристики представлены недифференцированно. Как известно, содержание концепта не может быть вербализовано полностью. Это дает основание говорить о существовании концепта вообще и его вербализованного коррелята. Именно вербализованный концепт в процессе активизации реализуется в виде множества своих характеристик, или смыслов, различной степени абстрактности. Эти характеристики составляют содержание концепта и репрезентируются с помощью разноуровневых языковых средств. В этой связи возможно говорить о дальнейшей представленности концепта в каждом конкретном случае как лексически (грамматически, фразеологически и т. д.) репрезентируемого. Концепт, репрезентируемый с помощью тех или иных средств, формируется нашим сознанием на базе характеристик общего концепта и, та-

ким образом, оказывается как бы «встроенным» в структуру общего концепта. Все сказанное дает основание дифференцировать, с одной стороны, невербализованный / вербализованный концепт, а с другой стороны, вербализованный общий концепт и концепт, репрезентированный с помощью языковых средств конкретного уровня и представляющий часть общего концепта.

Морфологически передаваемый концепт возникает в результате действия когнитивного механизма профилирования. Морфологические категории профилируют в содержании общего концепта наиболее абстрактные характеристики, которые и ложатся в основу формирования морфологически передаваемых концептов, представляющих собой те языковые смыслы, с помощью которых кодируются энциклопедические знания. Морфологически передаваемые концепты, в свою очередь, служат основой для формирования морфологических категорий как единства концептуального содержания и форм его репрезентации в конкретном языке. Рассмотрим описанный процесс на примере образования морфологически передаваемых концептов «ВРЕМЯ» и «АСПЕКТ (ВИД)».

В основе их формирования лежит общий концепт «ВРЕМЯ», относящийся к числу фундаментальных концептов, т. е. наиболее существенных для построения концептуальной системы в целом, организующих само концептуальное пространство и выступающих как главные рубрики его членения. По содержанию этот концепт оказывается сложным и многомерным, поскольку время определяется как «отношение между многими особым образом взаимодействующими между собой системами» [19]. Как следствие, время предстает как интегральный, синтетический феномен, концентрирующий в себе наиболее общие свойства и зависимости мира и нашего познания. Именно поэтому средства его репрезентации занимают особое место среди языковых механизмов концептуализации знаний и способов представления этих знаний в речевой деятельности, а также как средство объяснения нашего познания и понимания мира при анализе самого концептуального содержания.

Содержание общего концепта «ВРЕМЯ», который формируется в нашем сознании на основе предметно-практической, мыслитель-

ной и речевой деятельности человека, включает в себя знания о времени и временных отношениях, а также знания о языковых единицах, которые его репрезентируют. Оно покрывается следующими концептуальными характеристиками: настоящее, прошедшее, будущее, обратимость, разнонаправленность, упорядоченность, многомерность (размерность), длительность, непрерывность / прерывность, одновременность, предшествование, следование (об особенностях концептуализации времени см. подробнее в работах Люблинской, Тураевой и др. [19–22]).

Морфологическая концептуализация времени в языке сопряжена с формированием двух морфологически передаваемых концептов «ВРЕМЯ» и «АСПЕКТ (ВИД)». Выделение морфологически передаваемого концепта «ВРЕМЯ» происходит на основе действия когнитивного механизма профилирования. Морфологическая категория времени профилирует в общем концепте «ВРЕМЯ» такие характеристики, как «настоящее», «прошедшее», «будущее». Именно эти характеристики служат основой формирования морфологически передаваемого концепта «ВРЕМЯ» и выражаются в характеристике «релятивность», составляющей его содержание. Оно отражает то, каким образом время концептуализировано в языке, а именно в морфологии. Язык, как известно, концептуализирует не реальное время совершения событий, а события прошлые, настоящие и будущие относительно момента речи. Следовательно, рассматриваемый концепт включает в себя знания о времени, как они отражены языком, и знания грамматических значений и форм, объединяющихся в рамках морфологической категории времени.

Возникший таким образом морфологически передаваемый концепт «ВРЕМЯ» ложится в основу одноименной морфологической категории, реализуясь в виде конкретных морфологических смыслов (совпадение с моментом речи, предшествование моменту речи, следование за моментом речи), обуславливая характеристики элементов, принадлежащих к категории времени

Другая морфологическая категория «АСПЕКТ (ВИД)» профилирует в общем концепте «ВРЕМЯ» характеристики, существенные с точки зрения характера протекания ситуации во времени (например, длительно-

сти, повторяемости, наличия результата и т. д.), или, иными словами, с точки зрения ее внутреннего устройства. Такой характеристикой из выделенных нами выше в содержании общего концепта оказывается характеристика «длительность». Эта характеристика служит основой для формирования морфологически передаваемого концепта «АСПЕКТ (ВИД)» и проявляется в характеристиках «длительность» и «обобщенность», составляющих его содержание. В нем фиксируются результаты концептуализации единства пространственно-временного континуума объективной реальности. Данный морфологически передаваемый концепт ориентирован на собственно языковые знания о характере и способах протекания той или иной ситуации. Он служит когнитивным основанием одноименной морфологической категории и реализуется в виде собственно морфологических смыслов длительности и обобщенности, актуализируемых соответствующими видовыми формами.

Суммируя все вышесказанное, необходимо отметить, что морфология концептуализирует языковое знание, включающее в себя знание языковых значений, форм и категорий, и знание о мире как оно концептуализировано языком. Языковое знание «вплетено» в знание о мире и находится с ним в отношениях взаимодополнительности и взаимообусловленности. Концептуализация в морфологии осуществляется на разных уровнях: синтаксическом и уровне семантики лексико-грамматических разрядов слов. В основе морфологических категорий лежит концептуализация мира человеком средствами того или иного языка. Результатом этого процесса является морфологически передаваемый концепт как единица языкового знания, передающая способ языкового представления знания энциклопедического. Морфологические категории и формы, в свою очередь, выступая в качестве языкового механизма концептуализации, форматируют и конфигурируют наши знания о мире, различаясь по своей ориентации на выделенные уровни концептуализации.

1. Павленис Р.И. Проблемы смысла: современный логико-философский анализ языка. М., 1983.

2. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
3. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
4. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.
5. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М., 2005.
6. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2. С. 79.
7. Langacker R.W. Concept, Image, and Symbol: the Cognitive Basis of Grammar. Berlin; N. Y., 1990. P. 35.
8. Кубрякова Е.С. Язык и структуры представления знаний. М., 1992. С. 24.
9. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. М., 2002. С. 131.
10. Фрумкина Р.М. // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 1992. № 3. С. 7.
11. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999. С. 166.
12. Фрумкина Р.М., Звонкин А.К., Ларичев О.И., Касевич В.Б. // Вопр. языкознания. 1990. № 6. С. 99.
13. Фурс Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты: монография. Тамбов, 2004.
14. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М., 1988.
15. Болдырев Н.Н. Категориальное значение глагола: Системный и функциональный аспекты. СПб., 1994.
16. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения (семиологическая грамматика). М., 2002.
17. Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М., 1986.
18. Болдырев Н.Н. Моделирование процессов функциональной категоризации глагола. Тамбов, 2000. С. 16.
19. Любинская Л.Н. Категория времени и системный анализ. М., 1966. С. 7.
20. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка). М., 1979.
21. Lakoff G., Johnson G. Philosophy in the Flesh: Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. Basic Books, 1999.
22. Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты. М.; Тамбов; Белгород, 2006.

Поступила в редакцию 12.07.2006 г.